

I

СТАРИННЫЕ ПРЕДАНИЯ

И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.

Откровение, 20: 1–3

1

ВОСТОК

Незнакомец вышел из моря как дух — босой, одетый в дорожные шрамы. Он, как пьяный, шел сквозь дымку, паутиной окутавшую Сейки.

Старые легенды гласили, что духи воды обречены на молчание. Языки у них ссыхались так же, как кожа, и лишь морская трава одевала их кости. Духи таились на отмелях, поджидали неосторожных, чтобы утащить их в сердце Бездны.

Тани с малолетства не пугалась этих сказок. И сейчас, сверкнув улыбкой выставленного перед собой кривого кинжала, она устремила взгляд на незнакомца в темноте.

Но от его оклика она вздрогнула.

Облака разошлись, выпустив на свободу лунный свет. Егохватило, чтобы разглядеть пришельца. И позволило ему увидеть ее.

Не дух. Чужестранец. Она его увидела — и поздно было закрывать глаза.

Он обгорел на солнце, волосы обвисли соломой, с бороды текло. Как видно, контрабандисты сбросили его в воду, посоветовав покрыть остаток пути вплавь. Ее языка он, понятно, не знал, но она его понимала достаточно, чтобы распознать просьбу о помощи. Незнакомец хотел видеть государя Сейки.

В сердце у нее грохотал зажатый в кулак гром. Заговорить она не смела: знание языка выковало бы между ними узы и выдало бы ее. Стало бы ясно, что как она оказалась свидетельницей его преступления, так и он застиг на месте преступления ее.

Ей полагалось сейчас отшельничать. Уединиться за стенами Южного дома, очищая себя для важнейшего дня своей жизни. А теперь она запятнана. Замарана так, что не отмыть. И все отто-

го, что захотелось до Дня Выбора еще раз окунуться в море. Ходили слухи, что великий Квирики благоволит тем, кому хватает дерзости нарушить уединение ради встречи с волнами. А он вместо благосклонности послал ей этот кошмар.

Ей всю жизнь слишком везло.

Теперь пришлось за это расплачиваться.

Она пригрозила чужаку кинжалом. Он, глядя в лицо смерти, задрожал.

В голове у нее вихрем кружились разные мысли. Одна страшнее другой. Если выдать чужака властям — откроется, что она нарушила уединение.

Тогда День Выбора вряд ли состоится. Благородный правитель мыса Хайсан — провинции Сейки — не допустит богов на землю, возможно оскверненную красной болезнью. До признания города безопасным пройдут недели, а к тому времени прибытие незнакомца объявят дурным знамением, и ее шанс стать всадницей передадут новому поколению учениц. Она лишится всего.

Донести на него Тани не могла. Не могла и оставить так. Если чужак в самом деле несет в себе красную болезнь, то, бродя на свободе, он окажется угрозой всему острову.

Оставалось одно.

Она тряпкой обмотала ему лицо, чтобы не дышал болезнью. Руки у нее тряслись. Потом увела его с черного прибрежного песка к городу, держась настолько близко, насколько хватало отваги, и упираясь в спину кинжалом. Порт мыса Хайсан никогда не спал. Тани провела чужестранца по ночным рынкам, мимо выстроенных из плавника святилиц, под гирляндами белых и голубых фонариков, развешенных ко Дню Выбора. Пленник молча разглядывал все это. Темнота скрывала его черты, но Тани еще и заставила его опустить голову, плашмя стукнув клинком по затылку. И все время старалась держаться подальше от людей. Она придумала, куда его девать.

К северной оконечности мыса лепился искусственный островок. Назывался он Орисима и для местных был своего рода диковинкой. На нем выстроили торговый пост для горстки купцов и ученых из Вольного княжества Ментендон. Кроме занимавшего другую половину мыса Лакустрина, лишь ментцам даровали

1. СТАРИННЫЕ ПРЕДАНИЯ

разрешение продолжать торговлю с Сейки, после того как остров закрылся для всего мира.

Орисима.

Вот куда она отведет чужестранца.

Освещенный факелами мост к торговому посту охранялся вооруженными часовыми. Из сейкинцев туда допускались немногие, и она к их числу не принадлежала. Был еще один путь за ограду — через причальные ворота, открывавшиеся раз в год, чтобы принять товары с ментских судов.

Тани провела чужака вдоль канала. Сама она не сумела бы протащить его на Орисиму, но знала, кто сумеет. Та женщина наверняка найдет способ укрыть его среди иноземных купцов.

У Никлайса Рооза давно не бывало гостей.

Он отмерял себе немного вина — струйку из скудного запаса, — когда в дверь постучали. Алкоголь оставался одним из немногих доступных ему в этом мире радостей, и он окунулся в аромат напитка, предвкушая первый глоток.

Тут-то его и прервали. Разумеется. Он со вздохом оторвал себя от кресла, закряхтел от острой боли в лодыжке. Только подагры ему и не хватало.

Постучали снова.

— Ох, да уймись вы, — проворчал Никлайс.

Он потянулся за тростью, вслушиваясь в дробный стук капель по крыше. «Сливовый дождь», — говорили сейкинцы в это время года, когда воздух был густым, как облако, а на деревьях набухали плоды. Бранясь себе под нос, Никлайс проковылял по циночкам и на палец приоткрыл дверь.

В ночи за дверью стояла женщина. Темные волосы ниспадали до пояса, одежда была украшена соляными цветами. Промокла она так, как не промокнешь под дождем.

— Доброго вечера ученому доктору Роозу, — заговорила она.

Никлайс поднял бровь:

— В этот час гости меня нисколько не радуют. Да и в любой час.

Следовало бы поклониться, но он не видел причин быть вежливым с незнакомкой.

— Откуда тебе известно мое имя?

— Мне его назвали. — Дальнейших объяснений не последовало. — Со мной твой земляк. Он останется у тебя на ночь, а я заберу его завтра на закате.

— Мой земляк...

Гостья чуть повернула голову. От ближайшего дерева отделилась тень.

— Контрабандисты доставили его в Сейки. — Женщина оглянулась через плечо. — Завтра я отведу его к вседостойному правителю.

Увидев наконец пришельца, Никлайс похолодел.

Светловолосый мужчина, промокший так же, как женщина, стоял на его пороге. Этого человека он на Орисима никогда не видел.

В фактории проживало двадцать человек. Он каждого знал в лицо и по имени. А ментские корабли с новыми людьми придут только в конце сезона.

Этим двоим как-то удалось обойти охрану.

— Нет, — твердо взглянул на женщину Никлайс. — Святой, ты хочешь впутать меня в дела контрабандистов?

Он сделал движение, чтобы закрыть дверь:

— Я не могу укрывать нарушителей границы. Если узнают...

— На одну ночь, — прошелестела женщина.

Втиснув в щель локоть, она помешала ему закрыть дверь.

— В награду, — зашептала она так близко, что Никлайс ощутил ее дыхание, — ты получишь серебро. Сколько сможешь унести.

Никлайс Рооз заколебался.

Серебро — большой соблазн. Он раз засиделся за картами с часовыми и остался им должен по гроб жизни. До сих пор Никлайс смирял их угрозы, суля драгоценности со следующего ментского груза, хоть и знал, что для него на борту не найдется ни единого паршивого камешка.

Юная половина его души подбивала согласиться, хотя бы ради приключения. Не дав времени сказать свое слово более старой и благоразумной половине, женщина шагнула от его дверей:

— Я вернусь завтра к ночи. Смотри, чтобы его не увидели.

— Постой! — с яростью прошипел он. — Ты кто такая?

Она уже скрылась. Бросив взгляд за дверь и досадливо зарывчав, Никлайс втащил перепуганного незнакомца в свой дом.

1. СТАРИННЫЕ ПРЕДАНИЯ

Безумие! Стоило соседям прослышать, что он укрывал нарушителя границы, его потащат к очень рассерженному старшему распорядителю, а тот не отличается милосердием.

Однако никуда не денешься.

Никлайс запер дверь. Пришелец, несмотря на жаркую ночь, дрожал на циновке. Кожа у него была оливковой, щеки обгорели, голубые глаза воспалились от соли. Просто чтобы успокоить себя, Никлайс отыскал привезенное с Ментендона одеяло и сунул мужчине, который молча его принял. Он выглядел испуганным, и не зря.

— Откуда ты? — резко спросил Никлайс.

— Прости, — хрипло ответил гость. — Не понимаю. Ты говоришь на сейкинском?

Инисский. Давненько он не слышал этого языка.

— Это, — на нем же ответил Никлайс, — был не сейкинский. Я говорил на ментском. Думал, ты тоже оттуда.

— Нет, сударь. Я из Аскалона, — робко ответил гость. — Смее ли спросить имя того, кого я должен благодарить за приют?

Настоящий инисец. Вежливость прежде всего.

— Рооз, — отрезал Никлайс. — Доктор Никлайс Рооз. Мастер-хирург. И человек, чьей жизни ты угрожаешь самым своим присутствием.

Мужчина уставился на него:

— Доктор... — Он сглотнул. — Доктор Никлайс Рооз?

— Поздравляю, парень. Твой слух не пострадал от морской воды.

Гость прерывисто вздохнул.

— Доктор Рооз, — проговорил он, — это рука судьбы. То, что рыцарь Верности направил меня к тебе из всех...

— Ко мне? — Никлайс нахмурился. — Мы знакомы?

Он силился вспомнить год, проведенный в Инисе, но был уверен, что этого человека никогда не видел. Разве что, конечно, был тогда пьян. В Инисе он частенько бывал нетрезвым.

— Нет, сударь, но я знаю твое имя от друга. — Гость вытер лицо рукавом. — Я уже думал, что сгину в море, но встреча с тобой вернула меня к жизни. Благодарение Святому.

— Твой святой здесь не в силе, — пробормотал Никлайс. — Ну и как тебя называть?

— Сульярд. Мастер Триам Сульярд к твоим услугам, сударь. Я был оруженосцем при дворе ее величества Сабран Беретнет, королевы Иниса.

Никлайс скрипнул зубами. Это имя обожгло его изнутри вспышкой раскаленной злобы.

— Оруженосец... — Он сел. — Что же, и ты, как все прочие, наскучил Сабран?

Сульярд оцетинился:

— Если ты будешь оскорблять мою королеву, я...

— Что ты сделаешь? — поверх очков взглянул на него Никлайс. — Пожалуй, тебя стоит называть Триам Дурьярд. Ты хоть представляешь, как здесь поступают с чужеземцами? Это Сабран послала тебя на чрезвычайно медленную смерть?

— Ее величество не знает, что я здесь.

Любопытно. Никлайс налил ему чашку вина.

— Вот, — ворчливо приказал он, — пей до дна.

Сульярд выпил.

— А теперь, мастер Сульярд, важный вопрос, — продолжал Никлайс. — Многие ли тебя видели?

— До берега меня заставили добираться вплавь. Я выплыл в бухту. С черным песком. — Сульярд задрожал. — Там меня нашла женщина и на острие ножа провела в город. Оставила одного в конюшне... потом пришла другая и велела идти за ней. Она провела меня к морю, и мы вместе проплыли к причалу. За причалом были ворота.

— Открытые?

— Да.

— Как видно, та женщина знает с кем-то из часовых. Попросила оставить открытыми причальные ворота.

Сульярд потер глаза. Море состарило его, но теперь Никлайс разглядел, что парень совсем молод, ему не было и двадцати.

— Доктор Рооз, — заговорил он, — я прибыл с миссией особой важности. Я должен поговорить с...

— На этом я должен тебя остановить, — оборвал Никлайс. — Не желаю знать, что тебя сюда привело.

— Однако...

— Что бы ни привело, ты явился сюда без дозволения каких-либо властей, то есть сделал огромную глупость. Если старший

1. СТАРИННЫЕ ПРЕДАНИЯ

распорядитель тебя найдет и потащит на допрос, я хочу с чистой совестью ответить, что понятия не имею, зачем ты появился среди ночи ко мне на порог, воображая, что тебя только и ждут в Сейки.

— Распорядитель? — заморгал Сульярд.

— Сейкинский мелкий чинуша, заведующий этой плавучей свалкой, хотя сам себя он, кажется, воображает одним из младших богов. Ты хотя бы знаешь, что это за место?

— Орисима, крайний пост Запада в торговле с Востоком. Его существование и внушило мне надежду на встречу с государем.

— Заверяю тебя, — сказал Никлайс, — что Питосу Надама ни при каких обстоятельствах не примет при дворе чужестранца. Что он наверняка сделает, если о тебе прослышит, — это отправит на казнь.

Сульярд промолчал.

Никлайс подумал, сказать ли юноше, что его спасительница собиралась прийти за ним на завтра — быть может, чтобы сдать властям. И решил воздержаться. Сульярд со страху может пуститься в бега, а податься ему некуда.

Завтра. Завтра его здесь не будет.

И тут Никлайс услышал голоса за стеной. Шаги простучали по деревянным ступеням соседних домов. У него свело живот.

— Прячься, — приказал он, схватившись за свою трость.

Сульярд нырнул за складную ширму. Никлайс трясущимися руками отворил дверь.

Несколько столетий назад первый государь Сейки, желая защитить народ от драконьей чумы, подписал Великий эдикт, закрывший остров для всех, кроме лакустринцев и ментцев. Даже когда мор пошел на спад, запрет сохранился. Любой прибывший без дозволения чужестранец предавался смерти. Как и всякий его укрыватель.

На улице не видно было часовых, зато собралась кучка соседей. Никлайс присоединился к ним.

— Во имя Галиана, что происходит? — спросил он у повара, уставившегося в одну точку над своей головой и разинувшего рот, как сачок для бабочек. — Советую впредь не носить на лице такого выражения, Харолт. Тебя могут принять за полоумного.

— Смотри, Рооз, — выдохнул тот. — Смотри!

— Лучше бы...

ОБИТЕЛЬ АПЕЛЬСИНОВОГО ДЕРЕВА

Он не договорил, потому что увидел. Огромная голова высилась над оградой Орисимы. Она принадлежала созданию, рожденному от сокровищ морских.

Облака пара поднимались с его чешуи из лунного камня, блестящей, словно светившейся изнутри. На каждой чешуйке самоцветами сверкали капли. Глаза горели звездами, рога отливали ртутью под бледной луной. Гибкой лентой скользнув под мостом, это существо взвилось в небо легко и беззвучно, как бумажный змей.

Дракон. Едва он взлетел над мысом Хайсан, следом поднялись из воды другие, оставляя за собой след холодного тумана. Никлайс ладонью зажал барабан в груди.

— Что же это, — пробормотал он, — они здесь делают?

2

ЗАПАД

Конечно, он был в маске. Как все они. Только дурак не позаботится прикрыть лицо, вторгаясь в Королевскую башню, а убийца, добравшийся до личных покоев, определенно был не дурак.

В главной опочивальне за дверью крепко спала Сабран. С распущенными волосами, с тенями ресниц на щеках, королева Иниса была воплощением покоя. Сегодня рядом с ней спала Розлайн Венц.

Обе не ведали о приближении тени, явившейся, чтобы убивать.

Когда Сабран отходила ко сну, ключ от самых укромных ее покоев оставался у одной из дам опочивальни. Сейчас он был у Катриен Вити, а та прохаживалась по Роговой галерее. Рыцари-телохранители охраняли королевские покои, но дверь в большую опочивальню стерегли не всегда. Что ни говори, ключ к ней был всего один.

Никто не войдет.

В личном покое — последнем бастионе, отделявшем королевское ложе от внешнего мира, — убийца оглянулся через плечо. Рыцарь Гюлс Хит вернулся на свой пост у дверей, не ведая об угрозе, прокрадывшейся внутрь за время его отлучки. Не ведая об Эде, притаившейся среди потолочных балок и не спускавшей глаз с головореза, который уже достиг двери, ведущей к королеве. Пришелец беззвучно извлек из кармана ключ и вставил его в замок.

Ключ повернулся.

Он надолго застыл неподвижно. Выжидал.

Этот был куда осторожнее прежних. Когда Хита за дверью наступил один из его приступов кашля, пришелец приоткрыл дверь

в опочивальню. Другой рукой он выдвинул из ножен клинок. Такой же, как у тех.

При первом его движении шевельнулась и Эда. Она бесшумно спрыгнула с балки над его головой. Ее босые ступни засветились на мраморе. Когда убийца, занося кинжал, шагнул в опочивальню, она зажала ему рот и вогнала свой клинок меж его ребер.

Головорез запрокинулся назад. Эда держала его крепко, не позволяя пролиться на себя ни единой капле крови. Когда тело замерло, она опустила его на пол и сняла подбитую шелком маску, какую носили и все прежние.

Лицо под ней было совсем юным, мальчишеским. Глаза прудиками воды уставились в потолок.

Она его не знала. Поцеловав убитого в лоб, Эда оставила его на мраморном полу.

И едва успела вернуться в тень, когда раздался крик о помощи.

Рассвет застал ее в дворцовом парке. Волосы она покрыла золотой сеткой с изумрудами.

Каждое утро проходило одинаково. В предсказуемости — безопасность. Прежде всего она зашла к почтмейстеру проверить, нет ли для нее писем. Затем прошла к воротам, полюбовалась на Аскалон, воображая, как однажды выйдет в город и пройдет его насквозь, до порта и корабля, который унесет ее домой, в Лазию. Иногда она замечала кого-то из знакомых, и они обменивались легкими поклонами. И наконец она отправлялась в трапезный дом, чтобы разделить завтрак с Маргрет и с восемью часами приступить к своим обязанностям.

Сегодня первым делом ей предстояло разыскать дворцовую прачку. Эда быстро нашла ее за главной кухней, в завитой плющом нише. Помощник конюха, как видно, пересчитывал языком веснушки на ее горле.

— Доброго утра вам обоим, — подала голос Эда.

Парочка, ахнув, шарахнулась в стороны. Конюх с дикими глазами умчался прочь, стремительно, как его лошади.

— Госпожа Дариан! — Прачка оправила юбки и, покрасневшись до корней волос, сделала книксен. — О госпожа, прошу, никому не рассказывай, не губи меня!

— Можешь не кланяться, я не из благородных. — Эда коротко улыбнулась. — Я решила на всякий случай напомнить тебе,

1. СТАРИННЫЕ ПРЕДАНИЯ

что ты должна служить ее величеству каждый день. В последнее время ты была небрежна.

— О госпожа Дариан, признаюсь, я была рассеянна, но это от беспокойства. — Прачка заломила намозоленные руки. — Слуги шепчутся, госпожа. Говорят, третьего дня виверлинг напал на стадо у озер. Виверна! Как не испугаться, если просыпаются слуги Безымянного!

— Тем больше причин тебе быть внимательной к работе. Слуги Безымянного желали бы покончить с ее величеством, ведь ее смерть позволит их господину вернуться в мир, — сказала Эда. — Вот почему от твоего труда зависит жизнь, добрая женщина. Не забывай каждый день проверять, нет ли яда в ее постели, и следить, чтобы белье было свежим и благоуханным.

— Конечно же! Обещаю, впредь я буду внимательней.

— Нет, обещай не мне. Обещай Святому. — Эда кивнула на королевское святилище. — Ступай теперь к нему. Пожалуй, ты могла бы вымолить и прощение за свою... нескромность. Ступай туда с любовником и проси о милости. Поспеш!

Когда прачку сдуло ветром, Эда позволила себе улыбнуться. Нагнать страху на инисцев бывало даже слишком просто.

Ее улыбка скоро погасла. Виверны и в самом деле осмелели и таскали у людей скотину. Правда, уже несколько лет, как драконье племя пробуждалось от долгого сна, но такие случаи оставались редкими — а за последние месяцы повторялись уже несколько раз. Недобрый знак, что они набрались дерзости охотиться в обжитых местах.

Эда, держась в тени, пустилась в долгий путь к покоям ее величества. Она миновала королевскую библиотеку, обошла одного из разгуливавших по саду белых павлинов и вступила во внутренний дворик.

Аскалонский дворец — триумфальный взлет белого известняка — был самым большим и старым домом рода Беретнет, королевской династии Иниса. Давно стерся ущерб, нанесенный годом Горя Веков, когда драконье воинство вело войну с человеческим родом. Окна были забраны цветными стеклами всех оттенков радуги. В крепости нашло себе место святилище Добродетелей, сад с тенистыми лужайками и громадная королевская библиотека с облицованной мрамором часовой башней.

Посреди двора росла яблоня. Эда с болью в груди остановилась перед ней.

Прошло пять дней, как глухой ночью пропал из дворца Лот с благородным Китстоном Лугом. Никто не знал, где они и почему самовольно оставили двор. Сабран носила тревогу как плащ, но Эда скрывала свою за молчанием.

Она припомнила запах дыма на первом своем пиру Верности, где свела знакомство с благородным Артелотом Истоком. Двор каждую осень собирался, чтобы обменяться подарками и отпраздновать единство в странах Добродетели. Они тогда впервые узнали друг друга в лицо, хотя позже Лот рассказал, что новая камеристка давно вызывала его любопытство. Он слышал шепотки о восемнадцатилетней южанке, не благородного и не крестьянского рода, недавно обратившейся к Добродетелям Рыцарства. Посланник Эрсира представил ее королеве на глазах множества придворных.

«Я не принес вам к празднеству Нового года ни золота, ни драгоценностей, ваше величество. Вместо них я привел вам даму для вашего ближнего круга, — сказал Кассар. — Верность — величайший из всех даров».

Самой королеве едва исполнилось двадцать лет. Придворная дама без благородной крови и титула выглядела странным даром, но вежливость требовала его принять.

Праздник отмечался в честь единения, но оно имело свои границы. Никто в ту ночь не пригласил Эду на танец — никто, кроме Лота. Его — широкоплечего, на голову выше ее, чернокожего и с теплым северным выговором — знал весь двор. Наследник Златбука, где родился Святой, и близкий друг королевы Сабран.

«Госпожа Дариан, — с поклоном обратился он к ней, — если ты окажешь мне честь танцевать со мной, чтобы спасти от весьма скучной беседы с советником Эксчеквера, я буду твоим должником. Взамен... при мне фляга лучшего в Аскалоне вина, и мы разделим его поровну. Что скажешь?»

Она нуждалась в друзьях и в крепкой выпивке. И потому, хотя он и звался благородный Артелот Исток и хотя Эда была для него совсем чужой, они трижды протанцевали павану и провели остаток ночи под этой яблоней — пили и разговаривали под звездами. Она и не заметила, как расцвела их дружба.

А теперь он пропал, и тому могла быть только одна причина. Лот никогда не оставил бы двор по своей воле — не предупредив сестру и не испросив дозволения Сабран. Единственное объяснение — его вынудили.

1. СТАРИННЫЕ ПРЕДАНИЯ

Они с Маргрет предупреждали Лота. Говорили, что дружба с Сабран — коренившаяся в детских годах — рано или поздно станет угрозой ее брачным расчетам. Что теперь, повзрослев, он должен отдалиться от нее.

Лот никогда не прислушивался к доводам разума.

Эда стряхнула с себя задумчивость. Перейдя двор, она встала в стороне рядом с приближенными дамы Игрейн Венц, герцогини Справедливости. На их накидках была вышита ее эмблема.

Сад Солнечных Часов упивался утренним светом. Солнце заливало дорожки медом; окаймлявшие их розы таили в глубине темный румянец. Сверху смотрели статуи пяти великих королей дома Беретнет, часовыми выстроившиеся над входом в Алебастровую башню. В такие дни Сабран любила погулять здесь рука об руку с кем-либо из своих дам, но сегодня дорожки были пусты. Королева была не в настроении для прогулок после того, как у самого ее ложа нашли труп.

Эда приблизилась к Королевской башне. Увившая ее лесная лоза густо покрылась пурпурными цветами. Взойдя по длинным внутренним лестницам, Эда попала в покои ее величества.

Двенадцать рыцарей-телохранителей в золоченой броне и зеленых летних плащах охраняли дверь. Их наручи украшал цветочный узор, а почетное место на кирасах занимал герб Беретнетов. Они окинули подошедшую Эду острыми взглядами.

— Доброе утро, — проговорила она.

Узнав ее, они расступились перед личной камеристкой королевы.

Эда быстро отыскала даму Катриен Вити, племянницу герцогини Верности. В свои двадцать четыре года та была младшей и самой высокой из трех дам опочивальни, отличалась гладкой темной кожей, полными губами и тугими кудрями такого густого рыжего оттенка, что они казались почти черными.

— Госпожа Дариан, — приветствовала ее Катриен. Она, как и весь двор, по летнему времени одевалась в зеленые и желтые тона. — Ее величество еще не вставала. Нашла ли ты прачку?

— Да, сударыня. — Эда присела перед ней в реверансе. — Ее, как я поняла, отвлекли... семейные дела.

— Долг службы короне выше всех дел. — Катриен оглянулась на дверь. — Было новое вторжение. На этот раз негодяй оказался много ловчее. Он не только добрался до главной опочивальни — у него был ключ от ее дверей.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Старинные предания	11
II. Не смею огласить	253
III. Ведьма, оставшаяся в живых	397
IV. Твое есть царство	493
V. Здесь обитают драконы	603
VI. Ключи от Бездны	693
Действующие лица	781
Глоссарий	792
Хронология	796